

УДК 821.161.1

ORCID ID: 0000-0001-5500-6918

«ПОТАЁННЫЕ» СМЫСЛЫ В ЛИРИКЕ И. БУНИНА О МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Аннотация: В статье анализируется специфика воплощения «восточных» мотивов в стихотворениях И. А. Бунина 1903–1916 годов. Выясняется роль «потаенных смыслов», восходящих к кораническим и апокрифическим образам, для формирования бунинского лирического сверхтекста о мусульманском Востоке.
Ключевые слова: И. Бунин, восточные мотивы, лирический текст.

Abstract: the article analyses the specificity of embodiment of “oriental motives” in Bunin’s lyrical works written in 1903–1916. We study the role of “covert senses” originating from Koranic and apocryphal images used by the author for the creation of lyrical supertext about Muslim East.

Keywords: I. Bunin, oriental motifs, lyrical text.

В обширном корпусе лирических произведений И. Бунина о мусульманском Востоке особое место занимает стихотворение «Завеса» (1912). Опубликовано через девять лет после его первой поездки на мусульманский Восток и через шесть лет после выхода цикла «Ислам», это произведение не просто дополняет прежде написанное поэтом о Священной книге мусульман, но и акцентирует внимание читателя на весьма значимой стороне её восприятия:

Так говорит Господь: «Когда, Мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов Моих,
Я разделяю вас завесою незримой,
Зане смешон врагам Мой сладкозвучный стих». И сокровенных чувств, и тайных мыслей много
От вас я утаил. Никто Моих путей,
Никто моей души не знает, кроме Бога:
Он Сам нас разделит завесою Своей [2, 91].

Источником художественного переложения в стихотворении является «Аль-Бакара» — вторая (и важнейшая) в Коране сура, гласящая, что тайные смыслы истинного «прямого пути» не могут открыться «блуждающим во мраке» невеждам, сомневающимся, «празднословам», лицемерам и всем, кто относится без должного пиетета к этой «вечной книге»: «Бог наложил печать на их сердца и на их уши; их глаза закрыты повязкой» [3, 4]. Более точен перевод И. Ю. Крачковского: «Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а на взорах их — завеса. Для них — великое наказание» [4, 3].

Не исключено, что одной из причин, побудившей Бунина через шесть лет после выхода цикла «Ислам» развернуть в стихотворении «Завеса» мно-

гозначительную метафору, почерпнутую из Корана, была история опубликования и восприятия его лирики о мусульманском Востоке в отечественной периодике 1905–1906 годов. При первой публикации — по разным причинам — в произведениях поэта отсутствовали указания на переосмысленные источники — кстати, не всегда «канонические» (помимо отсылок к Священной книге мусульман, в заголовочных комплексах и в образном строе его произведений использовались апокрифические сказания, строки давно почивших на Востоке поэтов).

Стихотворение «За измену», например, печаталось без эпиграфа из Корана: «Вспомни тех, что покинули страну свою ради страха смерти». Стихотворение «Ковсерь» (араб.: «Аль-Каусар» — «Обильный» — сура о чудесном райском источнике) неоднократно переиздавалось под названием «Мираж». Стихотворение «Ночь Аль-Кафра» (араб.: «Аль-Кадр» — «Ночь Предопределения» — сура о том, как с небес был ниспослан Коран) впервые появилось под названием «Млечная Река», здесь отсутствовал эпиграф из Священной книги: «В эту ночь ангелы сходят с неба. И до зари царит в эту ночь мир». Стихотворение «Чёрный камень Каабы» (Кааба — святилище мусульман в Мекке, в восточный угол которого вделан чёрный камень — «символ могущества Аллаха») впервые было напечатано с семантически редуцированным названием «Чёрный камень».

Позже, уже в 1914 году, как отмечает Т. М. Двинятина, один из строгих рецензентов «применил образ стихотворения «Завеса» ко всему творчеству» писателя, посчитав, что “между читателем и прозой г. Бунина, действительно, непроницаемая завеса, но та же завеса ... просвечивает ценным светом его поэтического сияния“» [6, 403].

Через сто лет после выхода цикла «Ислам» составители сборника о рецепции Корана русскими поэтами уточнят, что воплощённый в произведениях Бунина «синтез идей и образов Корана с живым восприятием исламского мира» [7, 115] «предопределил» несомненную «удачу его лирики» о Востоке.

Нельзя не согласиться с тем, что слова и строки, погрузившие читателя в Священную книгу мусульман, помогают увидеть в современности «тайные знаки» метафизического измерения жизни. Полуденный зной, лучи угасающего солнца или пролетевшая в ночном небе звезда у лирического героя Бунина вызывают ассоциации с образами мусульманской мифологии:

Путник, не бойся! В пустыне чудесного много.

Это не вихри, а джинны тревожат её,

Это архангел, слуга милосердного Бога,

В демонов ночи метнул золотое копьё [1, 268].

Зрение, обостряющее способность к восприятию чужой культуры, основанное на «особенно острой (чувственной) памяти» [8, 47], позволяет различать вечное и «тайное» в реальности, привычной для пустыни:

В шелках песков лишь сизые полыни

Растит Аллах для кочевых отар,

И небеса здесь несказанно сини,

И солнце в них — как адский огонь, Сакар.

И в знойный час, когда мираж зеркальный

Сольёт весь мир в один великий сон,

В безбрежный блеск, за грань земли печальной,

В сады Джиннат уносит душу он [1, 274].

Вместе с тем поэт верен идее всеединства.

В том же стихотворении перед читателем оживает «Река всех рек, лазурная Ковсерь», сулящая покой «всем племенам и странам» [1, 274]. Очень часто строки из Священной книги мусульман в лирике Бунина являются лишь отправным рубежом для поиска созвучий между кораническими образами и библейскими:

Ночь Аль-Кадра. По темным горным склонам

Еще спускаются, слоятся облака.

Пел муэzzин. Перед Великим Троном

Уже течёт, дымясь, Алмазная Река.

И Гавриил — неслышно и незримо —

Обходит спящий мир. Господь, благослови

Незримый путь святого пилигрима

И дай земле твоей ночь мира и любви! [2, 8–9].

Мотивы предопределённого свыше пути и нишпосланной с небес тайны, объединяющей разные конфессии и культуры, — важнейшие в восточной лирике Бунина.

Особенно дорожит поэт тем, что сближает веры. В стихотворении «Источник звезды» (1908) воспроизведен «сирийский апокриф» о звезде, светившей волхвам «В ночь рождения Исы, / Святого, любимого Богом... [2, 65], и в чудесном источнике ставшей невидимой для всех, кроме самых достойных.

Древние камни, не подвластные пескам времени, похожи на «путеводные знаки» и на «чётки пилигрима»:

Бог для ночных паломников в Могребе

Зажёг огни — святые звезды Пса.

Привет тебе, сверкающая в небе

Алмазно-синяя роса!

Путь по пескам от Газы до Арима

Бог оживил приметам, как встарь.

Привет вам, камни — чётки пилигрима —

В пустыне ведшие Агарь! [2, 17].

Бунин внимателен к географическим реалиям, историческим ассоциациям и параллелям, соотносящим с современностью древние сказания и тексты. Поэта, несомненно, интересуют так называемые «знамения Корана», привлекают не расшифрованные истолкователями и книгоиздателями буквы, следующие во многих сурах за словами «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!»

Так, например, стихотворение «Тайна» (1905) появилось в печати с эпиграфом «Элиф. Лам. Мим» (в Коране эти буквы арабского алфавита определены как «указание», «знамения книги мудрой»).

Бунин был знаком с тем, что предлагалось в сложившихся к началу XX века комментариях к Священной книге мусульман, по известному свидетельству, прочитанной им от корки до корки [9, 226]. В изданиях, тиражировавших перевод К. Николаева, говорилось, что «во многих» сурах «Корана стоят в начале отдельные буквы, значение и смысл которых неизвестен» [3, 4]. Их также считают «иносказательными» [7, 120]. Сами же правоверные мусульмане часто считают ненужным обсуждать и (или) «разгадывать» их.

В стихотворении «Тайна» обыгрывается эта особенность восприятия загадочных «знаков». Не посвящённый в их смысл герой, увидев затейливую надпись, выбитую золотом на сирийском кинжале, пытается понять скрытую за арабской вязью «сокровенную тайну»:

«Во имя Бога и Пророка.

Прочти, слуга небес и рока,

Свой бранный клич: скажи, каким

Девизом твой клинок украшен?»

И он сказал: «Девиз мой страшен.

Он — тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».

«Элиф, Лам, Мим? Но эти знаки

Темны, как путь в загробном мраке:

Сокрыл их тайну Мохаммед...»

«Молчи, молчи! — сказал он строго, —

Нет в мире Бога, кроме Бога,

Сильнее тайны — силы нет» [1, 314].

Вопросы, заданные любопытным путником, на Востоке могут показаться праздной «пустой речью» [3, 452], поскольку эпиграф, сопровождающий стихотворение, указывает на Коран.

Напомню, что в Священной книге мусульман буквы «Элиф», «Лам», «Мим» впервые появляются во второй

суре и, уже узнаваемые, повторяются в двадцать девятой, тридцатой, тридцать первой, тридцать второй сурах, становясь знаками «испытания веры»: «Элиф. Лам. Мим. Думают ли люди, что их оставят в покое, если только они говорят: «Мы веруем»; и что их не приведут в искушение?» [3, 288]. Освящённые «вечной книгой», буквы предупреждают, что «знамения» доступны лишь тем, кто находится «на прямом пути» — все «слушающие» и «внимающие» [3, 296].

Очевидно, Бунин, внимательно читавший Коран, раньше многих истолкователей и переводчиков пришёл к пониманию, что таинственные арабские буквы могут служить особыми знаками, подчёркивающими «путеводительный» смысл «Священной книги». Поэтому «тайна тайн», о великой силе которой упоминает один из участников воссозданного в стихотворении спора, заключается не в значении самих букв арабского алфавита, а в их соотносённости с различными частями «ясного писания» (владелец кинжала проносит слова из суры «Открывающей»: «Нет в мире Бога, кроме Бога»), а надпись на клинке воспроизводит слова из второй суры, сообщающей, почему смысл «прямого пути» может открыться не всем. «Страшная тайна» букв, вызывающая у непосвящённых мысли о «пути в загробном мраке», вызвана незнанием (или поверхностным знанием) Корана...

В годы Первой мировой войны И. А. Бунин возвращается к своим впечатлениям от поездок на мусульманский Восток, пишет об увиденном и услышанном, словно не замечая противостояния великих держав, затронувшего и Турецкую империю, вовлечённую в боевые действия с Россией.

Рождённые прежде образы и строки наполняются оттенками новых значений: «путеводные знаки» — иносказательные и существующие в географическом и природном пространстве — в лирике Бунина о мусульманском Востоке уже не так очевидны, как прежде.

В стихотворении «Среди звезд» (1916), воображая себя путником, идущим за караваном по остывшей от дневного зноя пустыне, лирический герой не готов понять, что его ждёт впереди:

Настала ночь, остыл от звёзд песок.
Скользя в песке, я шёл за караваном,
И Млечный Путь, двоящийся поток,
Белел над ним светящимся туманом.

Внутреннее опустошение передаёт и следующий образный ряд:

Он ниспадал на сумрачный восток,
К иным звездам, к забытым райским странам...
Но важнее другие «тайные» смыслы. «Двоящийся» в небе Млечный путь
... дымчат был, прозрачен и высок.

Он пропадал в горах за Иорданом...

Путь к воображаемому Иордану, духовному пробуждению и возрождению лишь угадывается: «И верховой кивал, как неживой, / Осыпанной звездами головой» [2, 167].

В стихотворении «Феска» (1916, 1920) весьма выразительна «перемена настроений»:

Холодно, сыро, в тумане морской горизонт,
В бухте зелёной качаются голые мачты,
Липкая грязь на базаре,
Горы в свинцовом дыму... Но цветут, розовеют сады,
Мглистые, синие, сладостно дремлют долины...»

[2, 150].

После горьких прозрений, открытых и неразгаданных тайн именно таким виделся русскому поэту мусульманский Восток в 1920 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. / И. А. Бунин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014.
2. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2. / И. А. Бунин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014.
3. Коран Магомета, переведённый с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии М. Казимирским. С примечаниями и жизнеописанием Магомета / С франц. перевёл К. Николаев. — М., 1864.
4. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. Изд. 16-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2014.
5. Двинятина Т. М. Иван Бунин: жизнь и поэзия / Т. М. Двинятина // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — С. 5–91.
6. Двинятина Т. М. Примечания / Т. М. Двинятина // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 2. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — С. 343–492.
7. Взаимопроникновение культур: Коран в русской поэзии / [авт.-сост. Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко; отв. ред. М. П. Мчедлов]. — М.: Наука, 2006.
8. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. — М.: Художественная литература, 1967. Т. 9
9. Муромцева-Булгина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Булгина. — М.: Советский писатель, 2007.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. U., Associate Professor Chair of Russian literature
of the XX and XXI centuries, the theory of the literature and
humanities.
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*